

АРИАДНА ШАФРАН

НЕБО НЕ СПРАШИВАЕТ

Ариадна Шафран

Небо не спрашивает

«Автор»

2026

Шафран А.

Небо не спрашивает / А. Шафран — «Автор», 2026

Петербург, 1911 год. Учительница математики Лиза Новикова привыкла исправлять чужие ошибки и откладывать собственные желания. Один авиационный показ меняет её планы: теперь она хочет сама сесть за управление аэропланом. Инженер Георгий Мельников не обещает лёгкого пути. Его осторожность раздражает Лизу, а сухой юмор и внимательность притягивают всё сильнее. Ему трудно заботиться о ней, не решая за неё; ей — принять помощь и сохранить право на собственный выбор. Для учёбы нужны деньги, время и люди, которым можно доверять. Лиза находит подруг, работу на поле и новую жизнь между гимназией, мастерской и семейным столом. Но провинциальный показ обещает заработок, а чужая афиша — полёт, к которому она ещё не готова. Теперь под угрозой и её мечта, и близость с человеком, ставшим дорогим.

© Шафран А., 2026

© Автор, 2026

Ариадна Шафран

Небо не спрашивает

Глава 1

У Софьи Павловны дрожала бумага. Это было заметнее, чем дрожь в голосе: лист шуршал всякий раз, когда она пыталась прочитать условие, а тридцать две девочки уже сидели за партами и ждали, когда им наконец разрешат чего-нибудь не знать.

Елизавета Новикова остановилась у дверей класса. На доске был вычерчен треугольник, возле окна стоял кувшин с водой, и всё выглядело совершенно приготовленным к проверочному экзамену. Только молодая преподавательница держала два оттиска задач так, словно между ними пряталось несчастье.

— Елизавета Андреевна, простите, — сказала она слишком громко. — Тут, должно быть, я что-нибудь...

Лиза забрала один лист и пробежала глазами первую задачу. Два поезда отправлялись из соседних городов одновременно и шли навстречу со скоростями восемнадцать и двадцать две версты в час. Расстояние было указано в сорок вёрст, а в напечатанном ответе поезда встречались через полтора часа. За это время им предстояло покрыть шестьдесят вёрст: лишние двадцать неизвестно откуда возникали между соседними городами.

Внизу листа было напечатано: «Все данные точны».

— Здесь опечатка, — сказала Лиза и положила бумагу на кафедру.

Несколько учениц подняли головы. Софья Павловна побледнела ещё сильнее: ей казалось, что учитель вправе ошибиться только после двадцати лет службы, и то перед пустым классом.

Лиза взяла мел, исправила цифру в условии на доске и повернулась к девочкам.

— В первой задаче вместо сорока вёрст следует читать шестьдесят. Пометьте это в листах.

Полина Суханова на первой парте подняла руку, но, не дожидаясь разрешения, спросила:

— А почему не исправить ответ?

Лиза уже собиралась объяснить, что ответ напечатан в конце сборника. Это было самое неубедительное объяснение, какое она могла дать. Она посмотрела на сорок вёрст в оттиске, затем на собственные шестьдесят на доске.

— Вы правы, Полина. Я поверила ответу прежде условия.

Она стёрла шестёрку, вернула четвёрку и подождала, пока девочки перестанут шептаться.

— Отмените моё первое исправление во всех листках. Расстояние остаётся сорок вёрст, как напечатано. Верный ответ — один час. Полтора часа зачеркните в ответах. Теперь данные у всех одинаковые?

С задней парты попросили повторить. Лиза повторила, не торопясь. Софья Павловна проверила у ближайших учениц; Полина перечеркнула свою поправку и аккуратно вписала прежнее число.

— А внизу написано, что все данные точны, — сказала она.

— Данные в этой задаче оказались точнее преподавателя, — ответила Лиза. — Приступайте.

Класс зашуршал перьями. Софья Павловна сделала вдох и села. Лиза осталась возле кафедры, будто зашла просто передать журнал, и дождалась, пока соседка перестанет теревить манжету.

— Я должна была проверить, — прошептала та.

— Мы все должны были. Это общий оттиск. Остальную арифметическую часть я посмотрю сейчас, затем геометрическую.

Она говорила тихо, чтобы не превращать помощь в представление. Сама когда-то стояла на этом месте, не понимая, как можно преподавать дроби людям, которые замечают пятно на твоём воротнике быстрее, чем ошибку в знаменателе. Прошло пять лет, и дроби по-прежнему требовали внимания, зато пятна перестали казаться свидетельством профессиональной гибели.

Остальные арифметические задачи оказались правильными. Вторая опечатка нашлась в подписи к чертежу. Буквы двух вершин поменялись местами. Лиза передала Софье Павловне маленькую записку, та уже сама внесла исправление. К концу первого часа её голос сделался обычным.

За окнами апрельский Петербург капал с подоконников и тянул с улицы мокрым камнем. Печи топили меньше, чем зимой, но в дальнем конце класса всё ещё было душно. Девочки снимали руки с бумаги, отряхивали пальцы, украдкой глядели на часы. Это был устроенный преподавателями пробный письменный экзамен перед майскими испытаниями, и тревога в нём смешивалась с надеждой: всякая сегодняшняя неудача ещё могла стать завтрашним знанием.

Лиза любила именно эту возможность. Ей нравилось, как после нескольких неверных строк у девочки вдруг менялось лицо; как испуганное «я не умею» уступало осторожному «если провести здесь высоту». В такие минуты преподавание не походило на терпеливое исправление чужого несовершенства. Оно становилось разговором, в котором один человек помогал другому добраться до собственной мысли.

У стены сидела Надя Крылова, дочь служащего, тщательно скрывавшая бедность своих завтраков. Она зачеркнула почти всю страницу, затем начала заново. Лиза, проходя между рядами, увидела, что в новом решении поезд, медленно, но верно, отправился не в ту сторону.

— Прочтите условие ещё раз, — сказала она. — Не всё решение. Только условие.

Надя прижала ладонь к листу, как будто преподавательница собиралась его отнять.

— Я знаю правило.

— Тогда убедитесь, что выбрали для правила нужную задачу.

Через минуту Надя выдохнула и поменяла знак. Лиза пошла дальше. Помочь вместо ученицы решить задачу было легко; труднее было остановиться ровно там, где девочка ещё могла сделать необходимое сама.

После звонка девочки складывали работы на кафедре, сбивались в кучку у двери, вспоминали ответы. Полина на ходу доказывала двум подругам, что типографию следует обязать сдавать экзамен вместе с ними. Софья Павловна впервые улыбнулась.

— Вы меня спасли.

— Я спасла два поезда. Вас придётся спасать в следующий раз.

В учительской Лизу уже ожидала начальница. Екатерина Дмитриевна сидела возле высокого шкафа и держала исправленный оттиск. От неё пахло сухой лавандой; на столе стояла холодная чашка, до которой она, видимо, не успела добраться.

— Ваше присутствие оказалось весьма своевременным, Елизавета Андреевна. Софья Павловна ещё не имеет достаточного опыта.

— Опыт помогает заметить опечатку. От появления опечаток он не предохраняет.

Начальница подняла глаза. Лиза знала этот взгляд: сейчас благодарность должна была перейти в распоряжение.

— Разумеется. Именно поэтому я хочу поручить вам предварительную сверку всех экзаменационных листов. В том числе по естествознанию и географии. Там требуется лишь общая внимательность. Вы обладаете ею в полной мере.

На стене тикали часы. До собственного урока оставалось девять минут. Вечером Лизу ждали сорок тетрадей, урок с частной ученицей и счета, которые мать просила проверить

вчера. Сверка «лишь общей внимательностью» означала по меньшей мере несколько новых вечеров, а географические названия могли оказаться хитрее поездов.

— Математические листы я сверю, — ответила она. — Это относится к моей работе. Остальные лучше дать преподавателям соответствующих предметов.

— Им сейчас очень трудно выделить время.

Лиза на мгновение ощутила почти привычную готовность сказать: хорошо, приносите. От этого слова в учительской становилось теплее, и чужие лица переставали выражать разочарование.

— Мне тоже, Екатерина Дмитриевна.

Начальница отложила бумагу.

— Я рассчитывала на ваше содействие.

— Вы его получите в моей части. Я могу сегодня составить перечень исправлений и порядок проверки. Но за содержание других задач отвечать не возьмусь.

Это было не так храбро, как представлялось до разговора. Лиза слышала собственный слишком вежливый голос и хотела, чтобы начальница уже отвернулась к шкафу. Вместо этого та немного подумала, написала фамилии на краю листа и кивнула.

— Хорошо. Передадим коллегам. Математику, пожалуйста, к среде.

В коридоре Лиза остановилась поправить перчатку. Ничего ужасного не произошло, даже жалованье осталось прежним. Она опоздала к своему классу на полминуты и сразу занялась площадями фигур, потому что девочки имели право получить урок независимо от того, какой маленький переворот случился в преподавательской.

Домой она шла пешком. Снег у решёток давно потерял право называться снегом, извозчики объезжали широкие лужи, а перед булочной женщина удерживала мальчика, который пытался проверить глубину сапогом. Лиза остановилась купить хлеб и машинально подсчитала, сколько останется до конца недели. В её сумочке деньги жили по назначению: эти на хозяйство, эти на дорогу, эти нельзя трогать, хотя именно они чаще всего и требовались.

Вера Зорина встретила её у подъезда, прижимая к себе свёрток газет.

— Я решила, что, если дождусь тебя здесь, ты не сможешь ответить, что занята, — сообщила она.

— Я могу ответить и здесь.

— Но тогда намокнет мой перевод, и вина будет на тебе.

Вера сняла с полей шляпы каплю, величественно предложила Лизе руку и поднялась вместе с ней. Она работала в газете, переводила иностранные заметки и умела рассказывать про редакционные недоразумения так, что в них непременно обнаруживался человек, заслуживавший чая. Сегодня этим человеком была она сама.

Анна Николаевна встретила гостью у двери. В квартире пахло картофелем, тёплой шерстью и клеем: Мария работала за столом над рисунком для вывески. Она закрыла кистью лицо нарисованного льва, чтобы защитить его от брызг из материнской чашки.

— Вера Сергеевна, вам налить? — спросила мать.

— Если это чай, непременно. Если средство для укрепления кистей, сначала расспрошу Марию.

— Лев для торговца чаем, — объяснила сестра. — Заказчик хочет, чтобы лев был кроток и внушал доверие.

— Пусть держит счётную книгу, — предложила Лиза.

Мария глянула на неё с мгновенной улыбкой.

— Тогда он будет похож на тебя.

Лиза поставила хлеб, сняла пальто и полезла за счетами. Вера удержала её запястье, без всякой торжественности, как удерживают человека от случайного движения.

— Сперва это.

Из свёртка появилась плотная карточка с печатными строками. Пропуск на воздухоплавательную выставку в Михайловском манеже. Лиза перевернула его, проверила имя, затем снова прочла лицевую сторону.

— Почему я?

— Потому что я обещала человеку, выдавшему пропуск, передать его любознательной публике. Любознательной публикой оказалась ты. Хоть раз посмотри, что изобрели люди, которым никто не велел сидеть смирно.

— Полагаю, некоторым из них велели.

— Тогда особенно посмотри.

Мать спросила, нет ли там полётов под крышей. Вера заверила, что целый манеж пока никто не намерен поднимать в воздух. Мария попросилась с ними, но потом поглядела на льва и вздохнула: кротость приходилось дорисовывать к понедельнику.

Лиза положила пропуск между чистыми страницами личной тетради. Один выходной она могла себе позволить. Выставка была разумным развлечением: у неё имелись часы работы, стены и понятная цена возвращения домой.

Через два дня они пошли на выставку после Лизиних уроков. В манеже оказалось куда шумнее, чем в классе перед экзаменом. У входа посетители спорили с гардеробщиком, дальше толпа перекачивалась между стендами, откуда слышались иностранные слова и уверенный русский голос продавца брошюр. Под высокими перекрытиями стояли аппараты, которые на газетных рисунках казались изящными игрушками, а теперь занимали столько места, словно намеревались потребовать собственную комнату у каждого зрителя.

Лиза остановилась перед бипланом. Две поверхности крыла, стойки, расчалки, открытое сиденье. Никакого уютного отделения для человека, никакой стены, за которой можно было бы спрятаться от воздуха. Полотно на крыле выглядело плотным, но всё равно полотном; Лиза невольно вспомнила, как дома Мария зашивала порванный зонтик.

— Ты думала, они сделаны из железа? — спросила Вера.

— Я думала меньше.

Возле них мальчик вытянул шею, пытаясь увидеть двигатель. Его отец внимательно читал табличку, потом произнёс, что подобное сооружение не может выдержать настоящую непогоду. Молодой посетитель с каталогом возразил: непогода бывает и на море, а пароходы всё же существуют. Спор быстро стал морским; аэроплану в нём досталась роль молчаливого доказательства.

Лиза обошла аппарат с другой стороны. На картинках человек всегда сидел в машине уже летящей, и от этого казалось, будто главная задача — решиться подняться. Здесь были видны соединения, тросы, места крепления. Каждый из них кто-то выбирал, делал, проверял. Смелость могла занять сиденье, но удерживать вместе всё остальное ей пришлось бы без рук.

У соседнего стенда демонстрировали небольшую модель. Мужчина вращал винт, объяснял действие поверхностей, показывал, как меняется положение руля. Лиза дождалась, пока посетительница впереди перестанет расспрашивать о стоимости, и спросила, одинаково ли устроено управление на всех аппаратах.

— Далеко не одинаково, — ответил объясняющий. — Здесь вы видите одну систему. На другом аппарате навыки придётся переносить с осторожностью.

Он показал другую модель, и Лиза почувствовала знакомое удовольствие: неизвестное начинало делиться на вопросы. Она уже хотела спросить о размерах, когда Вера дотронулась до её локтя.

— Ты сейчас получишь второй урок вместо выходного.

— Этот я сама выбрала.

Подруга посмотрела на неё внимательнее, но ничего не сказала. Они прошли к двигателям. Возле одного молодой служащий с рекламной брошюрой утверждал, что путешествия по

воздуху скоро станут доступны всякому. Лиза поглядела на открытые части механизма и на сумму в каталоге. «Всякому» было словом весьма обеспеченным.

Она спросила, кто обслуживает двигатель после полёта. Служащий ответил общей фразой о надёжности конструкции. Тогда сидевший за столиком пожилой человек оторвался от бумаг и перечислил несколько работ, без которых о надёжности лучше не разговаривать. Его сухой голос оказался убедительнее блестящих обещаний.

— Значит, полёт продолжается на земле? — спросила Лиза.

— Если желаете ещё один, продолжается.

Возле выхода продавали программы ближайших показов. Вера купила одну, проверила печать и провела ногтем по строке с полем за городом.

— Вот где будет не модель. Погода позволит — увидишь полёт.

Лиза взяла программу. Странно было думать, что за городской застройкой всё это действительно движется, отрывается от земли и держит человека там, где здесь была только высокая крыша. Она ещё раз обернулась к биплану, почти скрытому чужими плечами.

— В воскресенье мы должны к тётке Прасковье, — сказала она.

— Должны в смысле обещали или в смысле она так решила?

Лиза не ответила сразу. Тётя недавно сменила квартиру, собиралась показывать новые занавески, жаловалась на управляющего и непременно спрашивала, почему Мария выбрала рисование, если шитьё полезнее. Мать могла пойти без старшей дочери. Лиза могла заранее купить сладкое, проводить их до трамвая и не присутствовать при повторном обсуждении собственной жизни.

По дороге с выставки они остановились у книжной лавки. Вера хотела купить французский журнал, обещанный редактору, а Лиза задержалась перед витриной с учебниками. На нижней полке лежал сборник задач, тот самый, из которого она иногда выбирала задания для старшего класса. Она почти вошла за ним, но заметила рядом тонкую брошюру с изображением аэроплана.

— Для начала хватит программы, — сказала Вера, выходя из лавки. — Там названия и несколько объяснений. Ты ведь ещё не собираешься учреждать кафедру.

— Я собираюсь понять, что видела.

— Очень опасная привычка. Редактор предпочитает, чтобы я сперва придумала заголовок.

Они пошли вдоль мокрых фасадов. Вера рассказывала о переводе, в котором иностранный автор смешал двух русских инженеров, назвав их одним именем. Редактору понравилось, что его герой столь разносторонний, и он попросил хотя бы одно изобретение сохранить, прежде чем Вера разделит людей. Лиза смеялась, но мысль всё время возвращалась к полотняным крыльям. На стенде ей не хватило вопроса, который теперь казался необходимым: как долго человек учится прежде, чем впервые остаётся с машиной один?

У перекрёстка Вера простилась с ней. Лиза завернула в маленькую кондитерскую за сладким для воскресного визита. Она не хотела, чтобы её отсутствие превратилось в дополнительную заботу матери. Девушка за прилавком предложила дорогую коробку с лентой; Лиза выбрала пакет, попросила отвесить меньше и терпеливо дождалась, пока покупатель впереди закончит объяснять разницу между настоящими и нынешними пирожными.

Раньше она обязательно слушала бы эту беседу с некоторым участием: всякое неудовольствие требовало ответа, а всякий лишний расход — расчёта. Сегодня её занимало, куда укладываются расчёлки, когда аппарат везут на другое поле. От собственной рассеянности стало весело и немного неловко. Дома могло потребоваться столько полезного внимания, а она принесёт вопросы о вещах, которых в их квартире никогда не будет.

На лестнице соседка попросила посмотреть записку от лавочника. Лиза нашла дважды прибавленную покупку, указала строку и вернула лист. У своей двери она убрала карандаш; в кармане рядом с ним шуршала программа воскресного показа.

За ужином она сказала, что в воскресенье пойдёт на показ. Анна Николаевна подержала ложку над тарелкой, потом спросила, не обидится ли тётя.

— Возможно, — ответила Лиза. — Я напишу ей сегодня.

Мария перестала разравнивать хлебный мякиш.

— Ты сообщишь, что занята?

— Сообшу, чем занята.

— Тогда она наверняка обидится. Полёт нельзя приложить к окну, как образец занавески.

Мать улыбнулась, хотя в глазах осталось сомнение. Лиза убрала тарелки, достала бумагу и составила короткую записку без выдуманной болезни и лишних оправданий. На столе лежала программа. Она положила её рядом с письмом и впервые за долгое время не стала заполнять оставшийся свободный вечер чужой просьбой.